

ГЛАВА 1

Он открыл глаза.

Медленно.

Покрытые толстой коркой запекшейся крови ресницы с трудом отклеивались друг от друга, и перед его воспаленными глазами возникали крошечные трещины, похожие на осколки разбитого стекла. Яркий свет вонзился в сетчатку с такой силой, как будто кто-то пытался выжечь ее лазером. Но кто? Кем были его враги... его мучители? И где они, черт возьми?

Он решительно ничего не помнил.

«Какой сегодня день? — спрашивал он себя. — Более того, какой сейчас год? Как я сюда попал?.. Где находится это место?..»

Солнечный свет причинял ему невыносимую боль, но по крайней мере к нему понемногу возвращалось зрение.

Первым, что Уиллу Джегеру удалось осознать, стал таракан. Заполнив собой все поле зрения, он возник перед ним как что-то расплывчатое, чудовищное и потустороннее.

Насколько Уилл мог судить, он лежал на полу, прижавшись щекой к бетону, покрытому густой коричневатой кашей какой-то неведомой дряни. Оттого что его голова была повернута, создавалось ощущение, что таракан намеревается вползти в его левую глазницу.

Усы чудовища дрогнули, и в следующую секунду оно исчезло, просеменяв мимо кончика его носа. Затем Джегер ощутил, как насекомое взбирается вверх по его щеке.

Таракан замер где-то в районе правого виска — наиболее удаленной от пола точке головы — и начал ощупывать его кожу передними лапами и челюстями.

Казалось, он что-то ищет. *Что-то пробует.*

Джегер почувствовал, что таракан начал жевать. Насекомое вгрызлось в его плоть, и он ощущал сухое потрескивание зазуб-

ренных челюстей, отрывающих кусочки гнилого мяса. А затем из его рта вырвался беззвучный крик, потому что он почувствовал, что весь покрыт насекомыми... Как если бы он уже давно умер.

Поборов приступ тошноты, Джегер сосредоточился на единственном вопросе, прорвавшемся на поверхность его сознания: *почему он не услышал собственного крика?*

Предприняв сверхчеловеческое усилие, он пошевелил правой рукой.

Это было едва заметное движение, но ему показалось, что он попытался приподнять весь мир. Он поднимал руку сантиметр за сантиметром, и его плечо и локоть горели дикой болью. Даже от столь ничтожных усилий его мышцы сводила судорога.

Он чувствовал себя калекой.

Что, бога ради, с ним случилось?

Что они с ним сделали?

Заскрежетав зубами и собрав всю силу воли для того, чтобы поднять руку к голове, он провел ладонью по уху, отчаянно пытаясь стряхнуть с себя эту мерзость. Его пальцы наткнулись на... лапки. Сухие чешуйчатые лапки насекомого, которые подергивались и пульсировали в попытке таракана пропихнуть свое тело глубже в ушное отверстие.

Уберите их отсюда! Уберите их прочь! Уберите их ПРООО-ОЧЧЬ!

Его тошнило, но желудок был пуст. Лишь сухая пленка приближающейся смерти покрывала все его внутренности — слизистую желудка, горло и рот... даже ноздри.

О черт! Ноздри. Они пытаются проникнуть и туда тоже!

Джегер снова закричал. Протяжнее. Еще более отчаянно. *Он не хотел так умирать. Прошу тебя, Господи, только не так...*

Снова и снова он царапал пальцами отверстия на своей голове, а тараканы брыкались и шипели, изливая свой гнев на пытающегося избавиться от них человека.

Наконец в его сознание начали пробиваться слабые звуки. Вначале в залепленные кровью уши проникли его собственные отчаянные крики. Затем он осознал, что к ним примешивается что-то еще. Что-то еще более пугающее, чем десятки насекомых, жаждущих полакомиться его мозгами.

Человеческий голос.

Низкий. Жестокий. Радующийся его страданиям.
Его тюремщик.

Вместе с этим голосом на него обрушилась лавина воспоминаний. Тюрьма «Черный Пляж», расположенная на краю света. Людей привозили сюда для того, чтобы подвергнуть чудовищным пыткам, после которых они умирали. Джегера бросили в эти застенки по приказу безумного диктатора-убийцы — за «преступление», которого он никогда не совершал. Вот тогда и началось самое страшное. Темный покой забытья Джегер предпочел бы пробуждению в этом аду. Все что угодно было лучше тех недель, которые он провел взаперти в этом месте. Не было в мире ничего ужаснее его тюремной камеры. Его могилы.

Усилием воли он снова начал отключать сознание, возвращая его в мягкую бесформенную переменчивую серую пелену, окутывавшую его до того, как что-то — что это было? — вернуло его в невообразимое настоящее.

Движения правой руки замедлились.

Она снова упала на пол.

Пусть тараканы пируют у него в мозгу.

Это было гораздо предпочтительнее.

И тут снова произошло то, что разбудило его в первый раз, — холодная жидкость, напоминающая морскую волну, плеснула ему в лицо. Только запах был совершенно иным. Вместо бодрящей океанской свежести он ощутил на лице солоноватое зловоние годами не чищенного писсуара.

Его мучитель снова захохотал.

Это действительно было забавно.

Что могло быть веселее выплескивания содержимого туалетного ведра в лицо заключенному?

Джегер выплюнул зловонную жижу. Сморгнул ее с воспаленных глаз. По крайней мере, мерзкая жидкость отогнала тараканов. Его мозг занялся подыскиванием нужных слов — отборной брани, которую он мог бы швырнуть в лицо своему тюремщику.

Доказательство жизни. Демонстрация сопротивления.

— Пошел ты...

Джегер пытался произнести, прохрипеть оскорбление, которое неминуемо привело бы к очередному избиению гибким шлангом, который наводил на него такой ужас.

Но он знал, что, если не будет сопротивляться, ему конец. Он умел только сопротивляться.

Тем не менее договорить ему не удалось. Слова застряли у него в горле.

Внезапно до него донесся другой голос, очень знакомый — *такой близкий*, — что несколько долгих секунд Джегер был абсолютно уверен в том, что он спит. Вначале пение было тихим, но постепенно набирало силу и громкость. Этот ритмичный напев каким-то образом обнадеживал и сулил невозможное...

Ка матэ, ка матэ. Ка ора, ка ора.

Ка матэ, ка матэ! Ка ора, ка ора!

Этот голос Джегер узнал бы где угодно.

Такавеси Раффара... Как он мог здесь оказаться?

Когда они вместе играли за команду Британской армии по регби, именно Рафф начинал хаку — воинственный танец маори, традиционно исполняемый перед матчем. Всегда. Он срывал с себя футболку, стискивал кулаки и рвался вперед, чтобы сойтись в ближнем бою с командой соперника. Его кулаки гулко стучали по массивной груди, ноги напоминали не то колонны, не то стволы деревьев, а руки — стенобитные орудия. Вся остальная команда, включая Джегера, мчалась вместе с ним, неудержимо и бесстрашно.

С глазами навывкате, разбухшим языком и застывшим в воинственной маске лицом Рафф громовым голосом твердил: «КА МАТЭ! КА МАТЭ! КА ОРА! КА ОРА!»¹

В равной степени неумолим Рафф был и на поле боя. Он был прирожденным воином, воином с большой буквы. Маори по происхождению и командос королевских морских пехотинцев по судьбе, Рафф вместе с Джегером побывал во всех уголках земли, что сделало их не просто близкими друзьями, а братьями.

Джегер повел глазами вправо, в сторону источника пения.

Боковым зрением ему удалось различить фигуру за решетчатой стеной камеры. Она была огромной. Рядом с ней его мучитель выглядел карликом. Ослепительная улыбка, как луч

¹ Я гибну! Я гибну! Я живу! Я живу! — слова, которыми сопровождается знаменитый танец (хака) новозеландских маори. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

солнечного света, пронзила мрак, казавшийся поистине непроницаемым.

— Рафф?

В еле слышном хрипе, который ему удалось издать, звучало изумление.

— Ага. Это я. — Он улыбнулся. — Я видел тебя и в худшем состоянии, дружище. Например, когда я выволок тебя из того амстердамского бара. И все же тебе лучше помыться. Мы летим в Лондон. Британскими авиалиниями. Первым классом.

Джегер не ответил. Что он мог сказать? Как мог Рафф оказаться здесь, в этом месте, совсем рядом?

— Давай, вставай, — заторопил его Рафф. — Пока твой дружбан майор Моджо не передумал.

— Да-да, Боб Марли! — глядя на Раффа злобными щелками глаз, произнес мучитель Джегера и с деланой веселостью хлопнул его по спине. — Боб Марли, да ты шутник, как я посмотрю.

Рафф улыбнулся от уха до уха.

Джегер не знал другого человека, способного улыбаться так, что от его улыбки стыла в жилах кровь. Говоря «Боб Марли», тюремщик подразумевал волосы Раффа — длинные, заплетенные в косы на традиционный манер маори. Многие игроки, которым довелось столкнуться с Раффом на поле для регби, знали, насколько плохо он относился к тем, кто не уважал его выбор прически.

— Отворяй дверь, — резко произнес Рафф. — Мы с моим другом мистером Джегером уходим.

ГЛАВА 2

Джип рванул с места, отъезжая от расположенной на Биоко тюрьмы «Черный Пляж». Рафф сгорбился за рулем и подал Джегеру бутылку с водой.

— Пей. — Большим пальцем он ткнул в сторону заднего сиденья. — В кулере есть еще. Пей сколько сможешь. Ты слишком обезвожен. Нас ждет трудный день...

Рафф умолк, задумавшись о предстоящем путешествии.

Джегер не торопился нарушать тишину.

После недель, проведенных в тюрьме, все мышцы и суставы ныли от мучительной боли. Ему казалось, что прошла целая